

ПАМЯТЬ

Как вспоминает сестра поэта, писательница Ева Лисина, умирал Геннадий Николаевич в полном сознании, мужественно и достойно. Страшный диагноз – рак – от поэта не скрывали, но врачи не сказали ему всей правды. Почти до последнего дня Геннадий Николаевич надеялся на лучшее. Осознав, что умирает, лишь буквально дня за два до смерти. И был, по словам сестры, «пронзительно красив» даже в минуты последнего вздоха.

Близкие, конечно, понимали, что поэта скоро не станет. Как говорит Ева Николаевна, полагали, что уйдет Айти в первых числах марта. И вдруг как будто было сказано что-то свыше – преврав работу по переводу Библии на чувашский, срочно выехала в Москву. Приехала туда 20 февраля, за день до смерти поэта.

Наверное, Геннадий Николаевич тоже предчувствовал свой уход. В московской больнице, где он лежал, как-то подошел к окну и сказал: «Ева, погляди, как прекрасен этот мир. И как красивы

люди... Не печалься чрезмерно, если я умру». Как известно, на жизни и творчестве Айти сильно сказались ранняя смерть матери – ему тогда было всего-то 25 лет. Когда ушла из жизни мама, говорит Ева Николаевна, в душе наступила пустота. Когда ушел Геннадий Николаевич, печаль была иной, светлой: «Как будто он всегда с нами – смотрю на падающий снег и вспоминаю его... Гена не ушел – словно растворился в окружающем нас мире».

Еву Николаевну в последние годы жизни Геннадий Николаевич часто сравнивал с матерью. С удовольствием останавливался в ее чебоксарской квартире, по словам сестры, всегда подсобно завидовал: «Какая ты счастливая, ты живешь в Чувашии, вокруг тебя звучит чувашская речь, ты постоянно говоришь на родном языке». И словно заново каждый раз, приезжая в Чувашию, влюблялся в родную республику. А особенно любил свою деревню Шаймурзино и свой родной Батыревский район.

Виталий АМУРСКИЙ (Париж)

*Айти – лик боли, крик в поле:
А-ай, ги-и! –
два слога без дна: бездна воли-и...
Слышу и вижу, Гена, как листа твоего
подем-стелью
несутся слов табуны,
как у костра, по-шамански танца
с тенью,
многогочия и тире бьют в бубен луны.*

*То обнаженную глазу, то в облаке,
словно в халате татарском,
ее знали в краях твоих еще половцы...*

*А мою, как фонарь с Тишинки,
в Креее декабрьском
помнишь ли?*

*Конечно, в московской сутолоке,
в Париже
или на берегу Волги
у каждого свои – луна, память,
Пушкин,
Хлебников или Крученых...*

*Но мне зябко, как и тебе, когда
по Руси
завывают волки
и каркают вороны черные...*

ПОЭТ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Завтра будет 40 дней, как не стало Геннадия Айти. В конце зимы постоянно шел снег. Наверное, так природа прощалась с гениальным поэтом, ведь снегам – «иероглифам Бога», как он писал, – посвящено множество его стихотворений. Даже последняя книга поэта называлась «Все дальше в снега».

«КАК КРАСИВЫ ЛЮДИ...»

Даже перед смертью Айти спрашивал: «Сестра моя, как Библия?...» Услышав, что Ветхий завет уже полностью переведен, успокоился и сказал: «Слава Богу».

Геннадий Николаевича, считала сестра, в жизни спасали вера в Бога и, конечно, поэзия. Сил креститься перед кончиной у Геннадия Николаевича уже не было – Ева Николаевна, оставшаяся рядом с ним до последней минуты, сама направляла его руку.

*И жизнь уходила в себя
как дорога в леса
и стало казаться ее
иероглифом
мне слово «здесь»
и оно означает и землю
и небо
и то что в тени
и то что мы видим
воочью
и то чем делиться
в стихах не могу
и разгадка бессмертия
не выше разгадки
куста освещенного
зимнюю ночью –
белых веток над снегом
черных теней на снегу.
С. ДМИТРИЕВ.
Фото В. РОМАНОВА.*

Сон и смерть были лейтмотивами его поэзии, в своих полных сердечности посвящениях он обращался не только к живущим, но достаточно часто и к умершим друзьям. 21 февраля он присоединился к ним. Мир стал беднее на один пронзительный поэтический голос.

«ОН ЛЮБИЛ СВОБОДУ»

*И там, где стояли мы,
пусть останется
свечение - нашего
благословения.*

Геннадий Айти происходит из тюркского народа чувашей, среди его предков с материнской стороны были языческие жрецы. Уже в раннем детстве он слышал магические заговоры и народные песни, которые внушили ему понимание поэзии «как сакрального действия». Такое ритуальное – и духовное – восприятие искусства, а также религиозно-природная атмосфера его детства превратились в поэтическое заклинание поля, дерева, цветка – поэтический космос, который своеобразно связал современность и архаику, пение и молитву.

И когда двадцатилетний Айти приехал в Москву и перешел в своем творчестве – по совету Бориса Пастернака и Назыма Хикмета – на русский язык, он остался укорененным в ландшафте и культуре своей родины. И метафорика, и образ мышления выдавали его чувашское происхождение. На это прежде всего работала его манера выражения, так как он «тюркизировал» свой русский, создавая сложные словосочетания и «парящий» синтаксис (часто базирующийся на причастных конструкциях и оперирующий множеством наречий типа «будто» и «как бы»), синтаксис с открытой валентностью, стремящийся не к утверждению, а к намеку. К тому же он избегал насилия над своим языком: в противовес привычной практике русского стихосложения он не использовал ни метр, ни рифму. Свободный, «белый» стих единственно соответствовал его представлению об ориентированной на распев, молитвенной поэзии, которую он часто обозначал как «мышление ритмами».

В отличие от Иосифа Бродского для Айти важным было не изображение, а закливание, не повествование, а призывание, не чувственное ощущение, а сущностное. При помощи ограниченного набора ключевых понятий (среди них – поле, поляна, снег, роза, Бог, вселенная) он создавал знаковый код sui generis, при том что эти знаки, скорее, являлись импульсами или «магическими возбуждателями», а не четко-определенными величинами.

Айти не боялся никакого герметизма: он, кого журналисты называли между собой просто «Малларме с Волги», подчеркивал свое родство с Казимиром Малевичем, с его супрематической теорией беспредметности и со «звездным языком» Велимира Хлебникова. Политически ангажированный авангард не давал ему

ничего. Сам он последовательно держался подальше от каких-либо группировок, идеологий и объединений всякого рода, также как и мужественно принимал – в советские времена – последствия своего инакомыслия. Но он умел ценить дружбу: об этом свидетельствуют не только его многочисленные стихотворения-посвящения и «разговоры в письмах», но и его творческое «сотрудничество» с друзьями-художниками, нашевшее свое воплощение в интимных библиофильских (зарубежных) изданиях.

Айти любил свободу, широкое дыхание, непоистощимую (неопишущую) белизну, мягкую (безвольную) усталость, пронцаемость сна, тишину, детскость, будничное чудо. К его прекраснейшим работам относятся стихотворный цикл, обращенный к полугодовалой дочери Веронике («Тетрадь Вероники») и эссе «Сон-и-поэзия». В этой работе мерцают многократные имена-определения сна – «Сон-возможность», «Сон-Разговор-самим-собой», «Сон-Доверие-к-ближнему» и, наконец, – «Сон-Лета», «Сон-Шепот», «Сон-Омовение», «Сон-Свет» – все это шифры сознания, силовое поле, а не реальность.

Когда на навещал меня в последний раз, мы полдня пили чай, вели веселые и серьезные беседы (в памяти задержалась фраза «терпеть и не осуждать»), а потом отправились на могилу Джайсы. По дороге Айти часто задерживался, показывая на растения, травы. Как красиво, повторял он то и дело. Слово «красиво» имело какой-то сияющий звук. И на кладбище он тотчас же занялся растениями: погрузил руки в высокую, светлую траву, дивился папоротнику («как Собор Парижской Богоматери!»).

В Цюрихе в тот день, 11 мая, Айти попросился со мной хлебниковскими словами: «Мы обменялись хлебом и вечностью». Да, он был знаком с вечностью, он не знал страха перед смертью. Он писал о ней без вражды, также естественно он говорил об умерших, как будто они тайно продолжали пребывать. Часто вспоминал он покойную мать, чью охраняющую руку он, по-видимому, постоянно чувствовал. Теперь он лежит рядом с ней, в чувашской земле. Да будет она ему луком!

Ильма Ракуза,
переводчик (Швейцария).

ЭКЗАМЕН ДЛИННОЙ В ЖИЗНЬ

Речка его детства – Большой Иргиз, что в Саратовской области. Там на воде цветут лилии, а в окрестных лесах можно увидеть пятнистого оленя. А река всей жизни – Волга. Без малого тридцать лет назад приехал Сергей Тимофеевич Бердников в Чувашию. По нраву прилизи здешние места, так и осел здесь. Хотя в его судьбе переплелись причудливые маршруты.

– Родился я очень далеко, в Узбекистане, в городе Бухара, – рассказывает он. – Там жарко, колорит свой, архитектура восточная. К примеру, во втором классе я зимние каникулы провел... летней резиденции эмира Бухарского, отданной под здравницу. Это дворец с башнями и фонтанами, а по саду павлины ходят. Позже мы жили в Ташкенте – городе, где родился отец. Всего за год до этого мы эмигрировали в Саратовскую область, на родину мамы. Меня и сейчас в Бухару привези – я ориентируюсь, хоть не был там с детства. А вот по саратовским местам до сих пор скачу, каждый год туда езжу в отпуск.

– Сергей Тимофеевич, как вы пришли в энергетику? – В школе я про электроэнергию знал только то, что ее вырабатывают на гидроэлектростанциях. Зато рядом было Сызранское вертолетное училище. Все мальчишки хотели быть летчиками, и я тоже. В классе девятым прошел медкомиссию, даже с парашютом прыгал. Но один паренек постарше, который не поступил в училище, меня отговорил.

И все-таки форму военную носить мне очень хотелось. В 1967 году, после окончания школы, подал документы в Саратовский медицинский институт. Стану, думаю, военным врачом. Но первый экзамен, химию, сдал на тройку, расстроился и документы забрал (а другой мой, между прочим, тоже с тройкой по химии, прошел!). На следующий год два моих двоюродных брата, к тому времени учившиеся в политехническом институте, сказали: «Давай к нам!» «Чем буду заниматься?» – спрашиваю. «На теплоэлектростанции работать!» Ну, думаю, если на ГЭС, значит, река. А река – это хорошо: природа, грибы...

Поступил я на энергетический факультет, на специальность «Тепловые электрические станции» сразу, хотя конкурс был не маленький: пять человек на место. На первом же лекционном занятии нас дождались двое преподавателей. И я узнал, что есть теплоэлектростанция, но и тепловые.

– В Чувашию по распределению попали? – По распределению меня направили в Дзержинск Нижегородской области, на Игумновскую ТЭЦ. Там я проработал пять лет – в должности начальника смены станции, заместителя, а потом и начальника котлоагрегатной группы. Как-то отпраздновали в городе Новочебоксарск, здесь у меня друзья по институту жили. Эпоха дефицита, а в городе-спутнике апельсины и салаты на прилавках лежат, в промтоварных магазинах приобрести можно. Познакомился с местными теплоэлектростанциями. Игумновская ТЭЦ работала на угле, а здешние – на мазуте и газе, они мне такими чистенькими казались!

Я предложил свои услуги Чебоксарской ТЭЦ-2. Ее главное корпуса тогда не было, стояла одна водогрейная котельная. Однако персонал был уже набран. Зато мне предложили работу на ТЭЦ-3. Сначала общежитие дали, через год – квартиру.

– Не пожелали, что приехали? – Нет. Хотя многое пришлось начинать заново. В энергетике вообще так принято: прежде чем стать руководителем, надо ос-

воиться на рабочих специальностях, чтобы все до мельчайших деталей знать. Я проработал машинистом-обходчиком, машинистом котлов и турбин, затем начальником смены котлоурбинного цеха (КТЦ), заместителем начальника цеха по турбинному отделению. В 1982 году меня назначили начальником КТЦ.

В то время осложнились обстановка с теплоснабжением Новочебоксарска. Строились котельная и турбины № 5 на Новочебоксарской ТЭЦ-3 (декабрь 1980). А когда в 1982 году ввели котельную и турбину № 6, стало уже легче. В 1984 году решили перевести станцию на природный газ, сроки были крайне сжаты. Меня как раз назначили главным инженером ТЭЦ-3 (исполнилось мне тогда всего-то 33 года). Тяжело было – приходилось на ходу менять проектные решения, поскольку вышли новые правила безопасности в газовом хозяйстве. Работали сутками и справились с переводом станции на газ в установленные сроки!

Решили и другие проблемы. Многие основные оборудованием станции было опломбировано инспекцией Госгортехнадзора, мы разработали программу на

в этом году на станции закончили монтажные работы – на одном сетевом насосе установили гидродинамическую муфту немецкой фирмы «Voith Turbo» с регулируемым числом оборотов. Теперь ждем приезда специалистов из Германии для проведения пуско-наладочных работ. Внедрение муфты позволит сэкономить 9,3 млн. кВтч в год, а экономический эффект составит 2,6 млн. рублей в год. Кроме того, уменьшатся затраты на ремонт, улучшится гидравлический режим, повысится надежность энергоснабжения столицы республики.

– В энергетике вы уже немало лет. Наверняка есть что вспомнить. Были случаи, которые врезаются в память? – Самый страшный момент – тишина на станции. Она режет слух. Такое случается, когда полностью стоит оборудование. Я это пережил дважды. В мае 1979 года ТЭЦ-3 затопило. В деревне чуть выше Новочебоксарской ТЭЦ-3 жители устроили пруды, а в один из дней пошел сильный ливень – за час выпала полтораграмма осадков! Естественно, вся вода оказалась на станции, которая расположена в низине. Оборудование скрылось под водой, поднимаясь на три метра... Во второй раз на ТЭЦ-3 сорвали кабели в туннеле под главным щитом управления. В таких экстремальных ситуациях работники станции работают круглосуточно – до полной ликвидации аварии.

– Что для вас трудное в работе руководителя? – Если команда правильно составлена на своих местах, любые текущие вопросы можно решить. Каждый день мне приходится принимать немало управленческих решений, загружа большая.

Но у меня проблема – проблема дома не несу. Не ужою сработы, пока не решу все срочные дела.

– Как вы отдыхаете? – Предпочитаю активный отдых, смену впечатлений. Летом езжу на дачу, у воды люблю с удочкой посидеть – общение с природой дает заряд бодрости, свежие идеи. А вот на охоту принципиально не хожу – зверья и так мало. И, конечно же, много свободного времени провожу с семьей. Впрочем, и на работе мы с женой вместе. Она работает на ТЭЦ-2 заместителем начальника отдела подготовки и проведения ремонтов, ее стаж в этой отрасли – более четверти века. А дочь закончила медицинский институт в Нижнем Новгороде, преподает там в университете, кандидат медицинских наук. Внуки Ванечка (ему 2,5 годика) часто мне звонит – нравится с дедом по телефону общаться!

– Молодую смену ТЭЦ-2 готовит? – Когда-то все энергетик из приезжих был. А потом в наше госуниверситете кафедру промышленной энергетики открыли. Еще будучи главным инженером я, помню, по школам циркуляционными насосами уже заменены более надежными, на очереди – реконструкция графири № 1. Поскольку Чувашия филиал ОАО «ТЭК-5» – участник оптового рынка электроэнергии, а в перспективе прогнозируется рост ее потребления, то выполнение этих мероприятий позволит обеспечить дополнительной электроэнергией город Чебоксары.

К слову, энергетик – вечные студенты. В этой отрасли свою профпригодность доказывают всю жизнь. К примеру, оперативный персонал экзамены по охране труда сдает каждый год, раз в два года – держит испытания по технической эксплуатации. И при переходе на новую должность это тоже обязательно.

– Что пожелаете коллективу в день рождения ТЭЦ-2? – Чтобы станция всегда работала надежно, а это зависит от всего коллектива. Счастья всем, здоровья, успехов на профессиональном поприще и в личной жизни!

Беседовала
Г. СМЕРНОВА.

Специализированная программа кредитования малого бизнеса Внешторгбанка 24 призвана поддержать предпринимателей, предлагая максимально привлекательные условия для заемщиков. Что собой представляет эта программа – рассказывает директор кредитно-кассового офиса банка в Чебоксарах Татьяна Волгина.

– В чем особенность вашей программы кредитования малого бизнеса?

– Специфика программы Внешторгбанка 24 является упрощенная процедура получения кредита – мы оцениваем реальное состояние бизнеса заемщика. Если оно соответствует нашим требованиям, мы в короткие сроки предоставляем кредит. Наша стандартная кредитная технология позволяет проводить оценку кредитоспособности и принимать решение о предоставлении кредита в сжатые сроки. Получить кредит можно на пополнение оборотных средств, на ремонт торговых или производственных помещений, на приобретение автотранспорта, торгового, производственного или офисного оборудования, недвижимости.

– Какое малое предприятие может претендовать на получение кредита во Внешторгбанке 24?

– Малое предприятие может стать нашим за-

емщиком, если оно работает на рынке более полу-года и имеет годовую выручку не более 140 миллионов рублей. При этом не важно, чем занимается фирма – торговлей, оказанием услуг или производством, нет и каких-либо ограничений по форме собственности малого предприятия – заемщика. Главное – это действующий доходный бизнес.

– На какие суммы кредитных средств может рассчитывать заемщик?

– В рамках нашей программы существует два вида кредитов. Есть микрокредиты и кредиты на развитие бизнеса. Каждый заемщик может выбрать то, что наиболее соответствует его запросам. Микрокредиты предполагают финансирование в объемах до 850 тысяч рублей на срок до 2 лет. Максимальный размер кредита на развитие бизнеса не

ограничен, его можно получить на срок до 3 лет и в различных формах – разовый кредит, кредитная линия, овердрафт.

– Как долго во Внешторгбанке 24 рассматриваются заявки на получение кредита? И что малое предприятие может предложить в качестве залога?

– Срок рассмотрения заявки по микрокредитам составляет всего лишь 3 дня, по кредитам на развитие бизнеса – 8-10 дней. А подход к залого у Внешторгбанка 24 весьма гибок – в качестве обеспечения может быть движимое и недвижимое имущество, нежилые помещения, товар в обороте. Уверена, что наши кредиты внесут значительный вклад в развитие российского малого предпринимательства!

Адрес: г. Чебоксары, ул. Сверчкова, 15.
Телефоны «горячей линии»: (8352) 42-62-70, 42-70-15.

Генеральная лицензия
Банка России № 1623.

Внешторгбанк 24: КРЕДИТЫ МАЛОМУ БИЗНЕСУ

